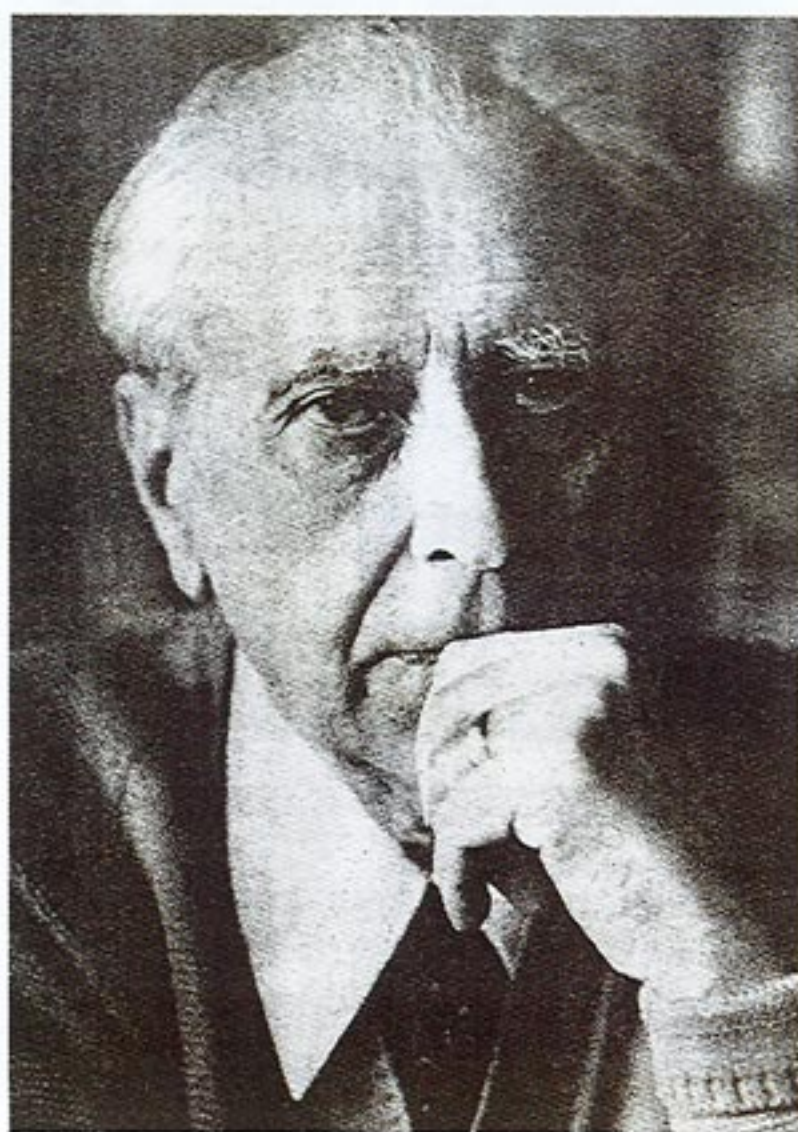

«Всяк сущий в ней язык...»

■ Александр Романов

Годы все дальше отодвигают удивительные, неповторимые встречи с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым.

Он не отказывал во внимании журналистской братии, когда речь шла о серьезных проблемах культуры, языка, межнациональных связях.

«Я немало поездил по свету, — рассказывал Дмитрий Сергеевич. — Возьмем наугад любое село — от Колы, близ Мурманска, северных становищ до деревень на Волге, Волхове и Пинеге, — у каждого свое лицо. Невроятное разнообразие и одновременно высокое единство.

Русское, не отгороженное глухой стеной от Украины, Белоруссии, от селений татарских, комизырянских, мордовских, карельских. Общие судьбы связали наши культуры, наши представления о жизни, быте, красоте».

Ученый с мировым именем, к мнению которого прислушивались люди самых различных взглядов, он под нажимом власти никогда не менял принципы, за которые боролся, не ставил их в зависимость от политической погоды.

Помню, как однажды на своей даче, в Комарово, Дмитрий Сергеевич коснулся шумной в то время писательской дискуссии. Говоря о «принципиальности» некоторых участников, усмехнулся, процитировав: «Мнение — это не имя, потерять его нетрудно...»

В год столетия со дня рождения Дмитрия Сергеевича Лихачева приведу только одно из моих интервью с ним. И хотя прошло без малого два десятилетия, прославленный академик вел разговор о судьбах Отечества как будто вчера.

Дмитрий Сергеевич, почему, на Ваш взгляд, проблемы межнациональных отношений, больших и малых народов приобрели такую остроту?

Истоки этого — прежде всего, в сталинской «национальной политике», дающей обильные всходы и сегодня. Теперь известно, как выселяли целые народы. Я, ленинградец, вспоминаю, как перед войной все нерусские, а значит, по-

дозрительные, выслались севернее Невы. Взять ижорцев или вепсов, чьи предки ведут свое происхождение от племен, близких финнам. Искусственно создавалась напряженная ситуация с ориентацией на выселение, причем возведенная в ранг политики.

Вспомните чехарду с Карело-Финской союзной республикой, преобразенной якобы по просьбе коренного населения в республику автономную. Но скажите, какой народ будет просить понизить его в ранге?! А ведь данная ситуация сложилась уже после войны. Народами швырялись, как мячиками.

Существовала расхожая точка зрения, что сталинский геноцид в отношении, скажем, чеченцев, крымских татар, калмыков, немцев Поволжья имел место после войны и был вроде бы справедливым, как возмездие за чью-то измену. Но ведь это неправда. Лживо обвинение целых народов в измене, как и преступна попытка оправдать геноцид. Такая политика расцвела с середины 30-х годов. В это время появилось понятие уже не классового, а национального врага, то есть врага, принадлежавшего к какому-то народу. И сейчас нам приходится пожинать плоды «творчества» и деятельности бывшего наркома по делам национальностей.

Самое страшное в сталинщине — поистине вселенский масштаб злодеяний, не снявшихся никакому диктатору.

Я прекрасно помню, как в конце 30-х годов, накануне финской кампании, из дачного места Токсово выселили

Романов Александр

всех финнов. Становилось жутко от безлюдного, безжизненного пространства, совсем недавно одного из привлекательнейших ленинградских пригородов. Финны испокон веков являлись хранителями исторической памяти. Местные жители знали, где, скажем, останавливалось шведское войско в Смутное время. Одна из гор называлась Понтус Делагарди. Финские мальчишки часто находили там железные ложки, ножи, пули. В лесу, у подножья горы, стояла когда-то мыза шведского короля, с подвалами, с предметами быта. Имелся прорытый до Охты канал, другие сооружения. Ведь это живая граница отечественной истории.

Дмитрий Сергеевич, видимо, тут же сказали о себе и проблемы национального языка?

Разумеется. Население боялось говорить по-фински. Многие из тех, кто там жил, записывались русскими, чтобы их не выслали. Или, скажем, в Усть-Ижоре уже после войны начальник паспортного стола говорил возвращающимся: «Чего эта за ижора такая? Пишитесь русскими, спокойнее будет!»

Явление весьма распространенное, и суть его не в паспортной пометке, а в кардинальных изменениях: школе, изучении языка, замене самого уклада жизни. Человек оказывался выбитым из привычной, естественной колеи, выработанной многими поколениями.

Одно время я жил на Сиверской, где рядом — русские и финские деревни. Крестьяне не просто дружили, а жили душа в душу. Но когда финнов стали штыками сгонять в фургоны, грабить и жечь жилье — отчуждение, неприязнь, вражда, социальная озлобленность как следствие несправедливости должны были возникнуть неминуемо.

Вы не раз писали, что память народная — в былинах, сказаниях, исторических песнях, что в сердце своем хранит народ красоту высокую, единую... Говоря о России, Вы подчеркивали общие «идеи красоты» и духовной высоты при всей многоверстной разобщенности...

Да, разобщенности, но всегда взывавшей к соединению. А возникло это ощущение единства давно. Ведь в самой легенде о призвании трех братьев-варягов сказалось представление, как я давно доказываю, о братстве племен.

Вспомним, кто призывал по летописной легенде варягов: русь, чудь (предки будущих эстонцев), словене, кривичи и весь (вепсы) — племена славянские и угро-финские. Ведь согласно представлениям летописца XI века, данные племена соединяла единая жизнь. Как, допустим, ходили на Царьград? Союдами племен. По летописному рассказу, Олег взял с собою в поход множество варягов, и словен, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северцев, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев. «Гардарикой» — «страной городов» называли скандинавы Русь.

Однако между городами и селами тянулись безлюдные пространства, иногда трудно преодолеваемые. Вот почему крепки из Руси не только объединяющие, но и разъединяющие начала. Что ни город, то свой нор, свой обычай. Русская земля всегда отличалась и тысячей городов, и тысячей культур. Возьмите больше всего бросающееся в глаза — архитектуру. Разнообразнейший мир стилей, строительных

находок, выдумки. Скажем, церкви. Одновременно воздвигаются храмы в Новгороде и Владимире, Смоленске и Ярославле. Но в том же Новгороде оказываются церкви, построенные в духе смоленских, московских, волжских соборов. Ничего агрессивного, не допускающего существования зданий другого стиля или другой, говоря сегодняшним языком, идеологической наполненности. В Новгороде существовала варяжская божница, имелась Чудинцева улица — угро-финского племени чуди. В Киеве любой знал Чудин двор — очевидно, первоначально подворье купцов из далекой северной Эстонии на Чудском озере.

Русская земля, вернее, земля «Русьская», то есть вся — с будущей Украиной, Белоруссией и Великороссией — была сравнительно слабо населена. Жители страдали от вынужденной разобщенности, селились преимущественно по торговым путям — рекам, селились деревнями, не такими уж большими, боялись окружающей неизвестности. Враги приходили «из невести», степь являлась «страной незнаемой», западные соседи — «немцы», то есть народы «немые», говорящие на незнакомых языках. Поэтому среди лесов, болот и степей люди стремились утвердить свое существование, подать о себе знак высокими строениями церквей, как маяками, ставившимися на излучинах рек, на берегах озер, просто на холмах, чтоб их было видно издали.

Ильма на Лавке

Повторю в который раз, что с одинаковым чувством гляжу на золотую главу церкви, или золотой шпиль Адмиралтейства, освещающий собой весь Невский, или золотой шпиль Петропавловской крепости — меч, защищающий город. Золотое пламя церкви, шпиля, свечи — все они символы духовности.

«Свеча бы не угасла» — писали в своих завещаниях московские князья, заботясь о целостности Русской земли.

Когда заходит речь о будущем человечества в плане формирования единой консолидации, непременно касаются и возможного возникновения единого языка. Каков Ваш взгляд на данную проблему?

Языки мира представляют огромное, безмерное богатство. Заменить их каким-то одним — все равно, что сказочные россыпи сверкающих драгоценных камней, удивительных,

Курбанов м-р

неповторимых по форме, цвету, блеску, превратить в бесформенный слиток. Каждый язык — оригинальный способ мышления, свои понятия, чрезвычайно важные для любого народа, но особенно — для малого. На Севере, в Сибири есть абсолютно неизученные наречия. А вдруг они — языки инков?! Если вдуматься, в этом предположении нет ничего фантастического: ведь между Чукоткой и Аляской издавна имелись налаженные связи, существовало общение.

Любой язык необходимо беречь, тщательно записывать, изучать, сохранять для будущего. Разумеется, нельзя заставить пользоваться только своим языком, если на нем говорит несколько сот или даже тысяч человек, как нельзя запретить смешанные браки, ограничить образование. Но в то же время необходимо максимально быстро создать Институт малых народностей. Пользуясь современной видео техникой, нужно сохранить то, что никогда нигде больше не возникнет — фольклор, танцы. Кто расскажет нам об ингерманландцах? А ведь они есть, со своими неповторимыми обычаями, нарядами, плясками.

Или возьмем чрезвычайно трудолюбивых немцев Поволжья. Почему они до сих пор живут в Казахстане? Ведь Поволжье стало их родным домом еще со времен Екатерины. Это — наши немцы, народность, между прочим, никогда России не изменявшая. И в первую мировую войну в царской армии было немало немецких офицеров, генералов, доблестно сражавшихся с кайзеровскими войсками. Их родиной была не Германия. Точно так же, как Отечественная война 1812 года выявила самоотверженность, отвагу и тех, кто носил нерусские фамилии. Достаточно вспомнить знаменитого генерала Жомини, автора «Русской стратегической науки».

Еще одна проблема. Почему, скажем, коми-зырян, их удивительный край превратили в место сплошной ссылки? Не может проходить бесследно для местного населения обилие уголовного элемента. А ведь на Севере жить непросто. Там нужно знать каждую кочку, заводь, каждый бережок. Где какие грибы рождаются, какие ягоды растут, где ожидать рыбу, как сделать, чтобы не выловить ее всю, оставить молодь. И малые народы прекрасно владеют великим искусством общения с природой.

Или Ханты-Мансийская земля, сейчас просто исчезающая. Нефть там еще в ближайшем будущем, может быть, мы будем иметь. Но вот удивительных умельцев края — охотников, оленеводов, художников — потеряем безвозвратно. Исчезновение народа на живой карте державы практически невозполнимо. Вновь поселенные, приехавшие по найму люди никогда за несколько лет не освоят того, на что у их предшественников ушли тысячелетия. Освоиться — не просто привыкнуть и даже глубоко изучить экстремальный край. Нужно его любить, считать своим, единственным, чувствовать Родиной.

Существуют ли проблемы сохранности русского языка, развития, изучения его богатств?

Да, и притом проблемы вопиющие, не допускающие отлагательств. Как сорная трава вплетается в живую разговорную и литературную речь язык бюрократический. Мешанину и свалку создают технократы — нелепыми аббревиа-

турами, неологизмами, невысказанными штампами, произвольными ударениями. В оборот вводится масса ненужных иностранных слов. Я считаю, необходим Комитет по национальным языкам. Замечено, что повсеместное развитие сленга — бесспорный показатель речевой слабости тех, кто им пользуется, их своеобразное игнорирование травмирующих обстоятельств. Скажем, отсутствие денег, удачи, зависимость от кого бы то ни было — все это сказывается на языке. Проблема сохранения языка никогда не теряла остроту, а сегодня — актуальна чрезвычайно.

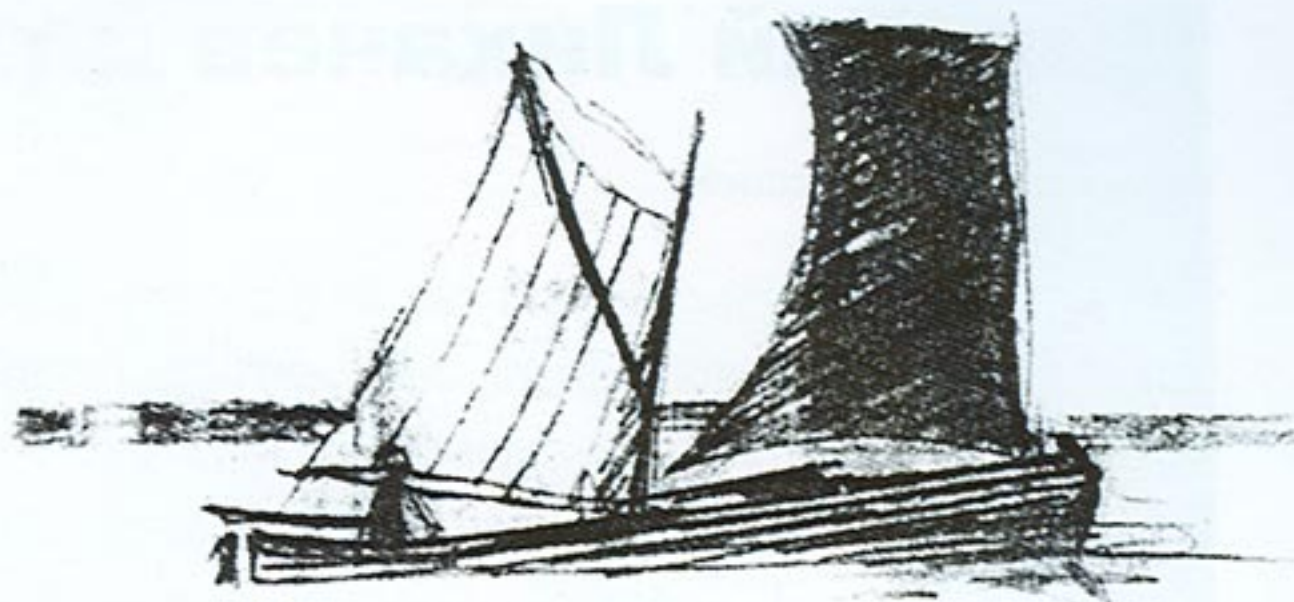
Когда-то, в весьма минорный период жизни, меня обязали написать записку об организации на Соловках учреждений для подростков. Я написал ее, как мне казалось, максимально убедительно. «Гражданин начальник» проглядел записку, прочитал вновь, уже внимательно, становясь темнее тучи. Я был молод, лагерный антураж не сломал меня. В данном случае поддерживала и уверенность в правдивости изложенного. Нормальным русским языком требовал я отделить подростков от взрослых, чтобы не превращать оступившихся в начале жизни в закоренелых преступников. Подростков следует учить, сделать грамотными людьми, дать профессию и т.д., писал я. Мой заказчик и «редактор» переписал бумагу собственноручно, начав с традиционного, «принимая во внимание состояние...» и прочее. И самое поразительное — вся эта канцелярская тарбарщина произвела определенное впечатление «наверху».

Канцелярский язык топчет мысль, суть, уводит от здравого смысла, выполняя определенную социальную задачу. До сих пор существует множество учреждений, достигших подлинного блеска в спихивании куда-то, кому-то, зачем-то умных предложений, советов, изобретений. Сколько поднаторевших делают вид, что слушают — и не слышат, «вникают» в текст — и не читают! Главное — не обременять себя никакими хлопотами, не брать на себя хоть толику ответственности.

Весь мир отмечает 190-летие со дня рождения Пушкина. Какое значение придавал он родному языку, развитию других культур и языков?

Сразу же приходит на ум пушкинское восхищение цыганами, его дружелюбие к крымским татарам, посвящения калмычке, гречанке, благоговейное отношение к европейской литературе, музыке, живописи. Русская культура для Пушкина — творческая преемница всех других. Предельно бережно переводил он из Овидия, Вергилия, Вольтера, Гете, Байрона. Самое удивительное в Пушкине — его внешняя приземленность, обычность. Но все житейское, обыденное, проходя через горнило гения, приобретало вечные, волшебные черты. Поразительно точна мысль Герцена — Пушкин всегда на уровне своего читателя. Он не парил над людьми, не замыкался в башне из слоновой кости.

Гете тоже гений, но олимпиец, живший в особом мире. Его не тяготил титул веймарского советника. Пушкин не хотел никаких званий и чинов. Почему его и взбесила должность камер-юнкера. Он не желал считаться придворным историографом, как Карамзин. При первой возможности заняться прошлым Отечества он взялся за «Историю пугачевского бунта». Никто, как Пушкин, не был наделен поразительным даром возвышения земных

человеческих чувств. Он сродни титанам Возрождения, он тоже — гражданин человечества. Он ратовал за «все флаги в гости», за сохранение и подъем всех культур. Но при этом вспомните строки:

*Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам!
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва...*

Поэзия Пушкина полна глубочайшего смысла. Животворящая любовь бессмертна, вечно молода, созидательна. Она — источник вдохновения, творчества, культуры.

Сошлюсь на хрестоматийно известную любому человеку и абсолютно актуальную строфу пушкинского стихотворения, эпиграфом к которому взята строка из Горация — «Я воздвиг памятник...»:

*Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгуз, и друг степей калмык.*

Рисунки Д.С. Лихачева из «Новгородского альбома»

